

АЛЕКСАНДР ГРИНЕВСКИЙ

Тут
и
Там

16+

Александр Гриневский

Тут и Там

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63930612

SelfPub; 2024

Аннотация

Что удерживает нас, не давая раствориться в бесконечности времени? Что согревает и по-настоящему ценно? Вся его жизнь была действием, попыткой не потерять остроту ощущений. И вот герой повести после поездки в горы попадает в больницу. В полузабытии единственной отдушиной становятся воспоминания, яркая бесконечная череда – детство, друзья, любимая профессия, увлечение экстремальным спортом. Яркая вспышка – и «земная жизнь» окончена. Теперь ему предстоит разобраться, что за тонкой полоской света, которую переступил? Какие правила? Кто рядом? Как соотносится существование ТАМ – уже в прошлом, и ТУТ – теперь в настоящем. Философская повесть о главном, о том, что тревожно и страшно. Это откровенный разговор о непонятном, о страшном, о личном. Попытка заглянуть внутрь себя, заглянуть за грань неизведанного.

Александр Гриневский

Тут и Там

Друзьям, которые тут и которые там...

*Пронзительно сияют фонари
И режут темноту промоких улиц.
Иди, под ноги не смотри.
Смотри, чтобы вослед не оглянулись.
Крадутся мыши по лугам,
Несмело облака целуют небо.
Очередные пьяные сто грамм,
За тех, кто был, за тех, кто не был...
Не надо никого спасать,
Пришла пора самим спасаться.
Брать и бежать. Не отдавать!
И с тем, что взял не расставаться.*

Очень интересно! Мне сложно даже себе объяснить, что происходит. Такое ощущение, что я не только думаю, но и записываю, хотя нет ни бумаги, ни ручки, нет самого меня. И всё равно, мне кажется, я пишу. Бред какой-то! И уже тем более не представляю для кого я пишу. Для тех, кто там, внизу? Кто ещё живы? Глупость. Это никогда не сможет попасть к ним. Для тех, кто здесь, кто сейчас рядом со мной? Им-то это совсем ни к чему... Да и есть ли они рядом?

А ладно, всё равно здесь больше нечем заняться. Буду просто думать, вспоминать. Мало ли что кажется...

Дай-ка я ради пушшего любопытства посмотрю на себя со стороны. Пускай я – буду он. Может это поможет что-то прояснить? Хотя, что я хочу прояснить – сам не знаю.

Все равно как-то неуютно. Не могу привыкнуть к одиночеству. Этот яркий свет... Привыкну, наверное... Вон Бенья чувствует себя совсем комфортно. Только молчит всё время.

Есть ли начало и есть ли конец? Сейчас я в этом сильно сомневаюсь. Раньше было проще. Ну да ладно, опустим начало, начнём с конца.

ТАМ

Он загремел в больницу неожиданно, ничто не предвещало такого развития событий. Только вернулся с гор и даже еще успел откатать на велосипеде по заснеженным просекам Лосинового острова, как вдруг ни с того ни с сего прихватило спину – и прихватило сильно. Высокая температура. Не повернуться – больно. Спать не мог, не мог найти положения, при котором боль бы отпускала. Забывался на несколько часов сидя, в других положениях было ещё хуже. От врачей упорно отказывался, убеждая себя и окружающих, что организм должен сам справиться с болезнью. Но перепуганные родные полезли в справочники, методом тыка и подбора подходящих симптомов поставили диагноз – опоясывающий лишай, и пошло-поехало самолечение.

Врач все же появился, как выяснилось позже, невропатолог – больных много, терапевтов на всех не хватает. Выслу-

шал, послушал, постучал – заявил, что в лёгких всё чисто, он их не слышит и поэтому исключает. Почесал затылок, не высказав ничего вразумительного, что-то выписал и отбыл, предупредив, что ещё заглянет на днях.

Через неделю стало совсем плохо – он уже с трудом поднимался с постели.

Дальше события развивались стремительно. Появились знакомые врачи, машина брата, мелькнули заваленные снегом улицы. Он с трудом поднялся по лестнице на второй этаж, где располагался рентгеновский кабинет. От постоянной боли, бессонницы и изнуряющего недосыпа всё плыло перед глазами, он заторможено передвигался в вязком горячем тумане.

Диагноз однозначный и быстрый – плеврит правого лёгкого. Рекомендация одна – больница и как можно скорее.

Ему было всё безразлично, хотелось домой, сжаться в комок, привыкнуть к боли и смотреть в окно, ощущая морозную белёсость окружающего мира, разрисованную черными ветвями деревьев. Хотелось быть одному.

Всё осложнялось тем, что был вечер пятницы, но врачи убеждали – медлить нельзя, родные всполошились, появилась скорая, и вот он уже валяется на койке в больничном холле – мест в палате до утра не будет. Пожалуй, ему стало даже легче. Вот теперь он действительно остался один, не было жалостливых взглядов жены и мамы, телефонных звонков друзей, не надо было вести изнуряющей борьбы с

родными, старающимися напоить или накормить чем-то особенным. Он отдался – стал податливым материалом в чужих, безразличных к нему руках незнакомых людей – врачам.

Сразу же лошадиная доза антибиотиков, капельница, сильное снотворное по вене и долгожданный провальный сон.

Утро в больнице начинается рано, оно монотонно и серо, как сама болезнь. Покашливание и редкие шаркающие шаги больных по коридору, звяканье железных подносов в столовой, быстрые летящие шаги медсестёр, резкое хлопанье дверей палат, и вот уже доносится бодрый клич, дробящий вязкую предрассветную тишину, – «на уколы!» – всё, надо начинать жить.

Его поместили в палату на шестерых. Осмотр, назначение на повторный рентген, анализы и прочая лабуда. И уколы, уколы, уколы, бесконечные капельницы. Пришла жена и развила бурную деятельность по переводу его в отдельную палату. Деньги были. Он равнодушно воспринимал поднявшуюся вокруг суету. Всё же решили остаться в шестиместной – как выяснилось, лечащий врач, который его курировал, считался хорошим специалистом; в случае перевода в отдельную палату им стала бы заниматься зав. отделением, а, судя по собранным слухам, врачом она была не ахти каким.

Бессмысленно описывать существование в больнице. Нет ничего более серого и монотонного, чем больничные будни, разбавленные редкими всплесками страха и тревоги, хотя

каждый, кто попал сюда, бережет и прячет свой солнечный зайчик надежды.

Первые три дня события ещё продолжали развиваться. Вот ему объявили, что необходим прокол, вот он дрожит от холода, по пояс голый, среди белого кафеля операционной. Неимоверно длинная игла шприца. Вот врач морщась смотрит на мутную жидкость в пробирке, и звучит убийственно отрезвляющая фраза, брошенная им мимоходом: «Моли Бога, чтобы это был туберкулез». Тревожный день ожидания результатов анализа. Безразличные глаза врача. Приговор: «Гнойный плеврит, лучше бы туберкулёз...»

Ежедневные, ставшие уже привычными проколы, десятки уколов, капельницы. Запомнившаяся фраза: «От такого количества антибиотиков ты скоро начнёшь глохнуть, не пугайся, слух потом должен восстановиться». Поразившее собственное безразличие по отношению к услышанному.

Гнетущая слабость, температура, полубабытьё и острое нежелание кого-либо видеть. И зима, бесконечная зима за окном.

Навещали его часто. Жена, мама, брат, друзья. Постоянно казалось, что кто-то есть рядом, и этот кто-то заставлял его бодриться, улыбаться, говорить, слушать, вникать в несуществующие для него сейчас проблемы. На самом деле эти посещения мучили его – сил на общения не оставалось, хотелось сжаться в комок и остаться одному. Как-то раз стоял на лестнице с Серёгой, компаньоном по работе, курили

– курить он так и не бросил, хотя курил теперь значительно реже, – оба тяготились окружавшей их обстановкой и явным несовпадением сегодняшних жизненных интересов. Серёга что-то оживлённо и успокаивающе бубнил о развитии их совместного бизнеса, а он с тоской прислушивался к себе, сознавая, что всё услышанное не представляет для него сейчас ни малейшего интереса. В какой-то момент вдруг понял: сейчас потеряет сознание и упадет. Лестница поплыла перед глазами. Обливаясь холодным потом, борясь с накатившей тошнотой, распрощался с Серёгой и с трудом добрёл до палаты. После этого случая переговорил с женой, та обзвонила друзей и передала, что Сашка сейчас никого не хочет видеть и ездить к нему не надо.

К концу второй недели он почти не вставал, ничего не ел. Он сжился с больницей, превратился в самую болезнь. Его перестали тревожить соседи по палате, их болезни, он даже свыкся с ужасающими, раздирающими лёгкие хрипами астматика, лежащего напротив, хотя, когда только попал в палату, состояние задыхающегося и бьющегося в конвульсиях соседа вызывало тоскливый животный ужас – казалось, нельзя одновременно жить и так мучаться.

Боли прекратились. Он был так слаб, что не придавал этому большого значения. Сейчас его существование напоминало медленно проворачивающееся колесо: утро с темнотой за окном, тоскливый переход по коридору до туалета, медсестра со шприцем, обход врача, кафель операционной и очеред-

ной прокол, слабое удовлетворение от того, что на сегодня основная лечебная суeta закончилась – его оставили в покое, можно лежать. Капельницы, полузабытье-полусон, приход жены или мамы – здесь надо заставлять себя улыбаться и, сдерживая раздражение и тошноту, попытаться что-то съесть. Опять уколы, переход по длинному коридору до туалета, очередная ночь, пугающая своей чернотой и безысходностью, и снова безрадостное утро...

Читать он не мог – было не интересно. Он вспоминал. Лежал с закрытыми глазами, укутавшись одеялом, подтянув колени к груди, и вспоминал, вспоминал, вспоминал.

Он даже делал вялые попытки систематизировать, но воспоминания продолжали возникать хаотично. А так хотелось всё по порядку, начиная с детства, день за днём... Так нет! Среди идеалистической картинки, на которой он с ребятами, – им лет по десять, – вооруженный черным пластмассовым пистолетом, прячется среди высокой травы в поле на краю деревни, поджидая отца, который должен вот-вот показаться на тропинке, ведущей от станции; они возбуждены, осторожно выглядывают, их не должны заметить, пропадет эффект неожиданности, сюрприза; они вместе – он, Колька и Валет; они пригибаются, перебегают, ползут в высокой траве; солнце садится, но до сумерек еще далеко, и поле кажется бесконечным, и тропинка вьётся, убегая куда-то вдаль... вдруг неожиданно возникает заполошно качающийся фонарь – блёклым желтым пятном в темноте, снеж-

ные рваные заряды сквозь пятно света, еле видные контуры серых пятиэтажек с редко горящими окнами, манящими, притягивающими... он, прилепившись лбом к холодному стеклу, впитывающий, вбирающий в себя зиму, снега, колючую метель, весь этот неухоженный тёмный город на краю света, спиной ощущая тепло съёмной квартиры, уют маленькой кухни, теплым желтым пятном висящей в воздухе, в темноте, среди холода, снега и метели.

Воспоминания яркими цветными пуговицами рассыпаны по столу, слайд-шоу, проецируемое мозгом на закрытые веки. И нет больше ничего и никого вокруг, только он и эти яркие, принадлежащие только ему одному картинки. Бесконечная, не прекращающаяся череда...

Мелькнула дроновская комната в коммуналке на шестом этаже – улица Веснина. По почерневшему паркету разбросаны грязные детали разобранного мотоцикла, его остов лежит на боку рядом; стол у окна, «бомба» красного вермута – на доньшке, граненые стаканы с опивками на дне, обёртки от плавленого сыра – яркими серебряными пятнышками; дождь за окном – серый, тягучий, капли и наплывы воды по стеклу; вот он, вот Дрон, устало сгорбившись за столом, – пьяно и тоскливо смотрят на ластик дождя, стирающий контуры домов, редких машин и спешащих прохожих на сером ватмане улицы, замороженные неопределённостью происходящего, неопределённостью будущего, своей не пригодной ни на что молодостью.

Почти ночь... Он на горке, под акведуком, сидит на вросшем в землю бетонном обломке, плачет. Спазмы перехватывают горло, рыдания превращаются в вой. На выдохе, задрав заплаканное лицо к черному небу: «Бизо-о-он...» А чуть впереди и внизу, навстречу друг другу, две яркие ленты проносящихся машин по проспекту Мира. Разбросанные в вышине, в темноте светящиеся окна домов. Бизона жалко до невозможности. Андрюха сгорел в три дня, едва перевалив за тридцать восемь. Добрый и мягкий, а вся жизнь – упорство и поступок. И горе, и слезы по щекам, и одинокий вой.

Вдруг откуда-то, резко и ясно: двери лифта, а рядом половой коврик перед дверью незнакомой квартиры, обернут тряпкой, старой, выцветшей, но еще виден синий фон, по которому несутся серебряные ласточки. И оторопь, и новый виток воспоминаний намертво цепляется за эту старую тряпку. Точно такой же материей были обиты козетки на «Чехова». И всплывает комната в полуподвале, дед, читающий под настольной лампой широко развёрнутую газету, а вот и он сам, входит в комнату через высокие двустворчатые белые двери из бесконечно длинного темного коридора с единственной голой лампочкой, висящей на тонком шнуре, в школьной форме, с портфелем и пионерский галстук лихо, набок... И сразу, без перехода, огромный костёр во дворе: жар такой, что плавятся близлежащие сугробы, ревет пламя, ветер носит по двору пепел и обгорелую бумагу, а с края, чуть сбоку от воющего пламени, остатки козетки и ле-

тящие по синему серебряные ласточки. Горит ненужная никому мебель, семья переезжает на новую квартиру.

По счастливому стечению обстоятельств больница располагалась неподалеку от дома, и это грело, успокаивало, казалось, если станет совсем немого, совсем плохо, можно наплевать на всё и пешком уйти домой. Из торцевого окна в коридоре был даже виден дом, где жили брат с мамой. Он добредал до этого окна обычно по вечерам, перед тем, как лечь спать, всматривался в темноту, пытаясь отыскать среди россыпи огней знакомые окна, за которыми, – он знал, – хорошо и уютно: семейный ужин на кухне, бурчит телевизор, мама – от стола к плите, брат, его жена, двое маленьких детей, гомон голосов, раздраженное одёргивание, звонкий голосок Кати, заставляющей всех себя слушать. Точно определить родные окна никогда не удавалось, да и идея ухода домой, – он понимал, – была эфемерной. Как не близко казался дом, расстояние до него сейчас было непреодолимым. Здесь, в больнице, надо было дотягивать до конца. Либо вылечится, либо...

И всё-таки, несмотря ни на что, домой хотелось. Когда-то всё это должно было закончиться. Еще в позднем детстве он вывел для себя аксиому, что всё плохое, что с ним происходит, не может продолжаться слишком долго. Всё должно как-нибудь утрястись, встать на свои места. Вот и жил всегда по этой формуле, успокаивая и убеждая себя, что надо только перетерпеть – всё закончится, это не может продол-

жаться вечно! И сейчас, лежа на больничной койке, он мечтал, оттачивая и смакуя детали, как выздоровеет, его выпишут, он соберёт в сумку больничное барахло, выйдет из дверей на улицу, глубоко вздохнёт, втянет в лёгкие холодный морозный воздух и обязательно оглянется на это длинное грязно-желтое здание, найдет окна палаты на шестом этаже, поднимет руку, сожмёт пальцы в кулак и оттопырит средний – «что, взяли?!» А потом пойдёт, побредет вниз по улице, наслаждаясь свободой и ощущением распирающей радости, что праздник, называющийся «жизнь», продолжается, – он везде, он рядом, и крошащийся ледок замерзших луж под ногами, и белёсое зимнее небо над головой только подтверждают это. По мостику через Язу, вдоль нависающих сбоку арок акведука на горку, – и вот она Москва, – внизу парк, занесенный снегом, черная лента реки – белый пар стелется над промёрзшей водой, а чуть дальше, по Проспекту Мира – вереницы спешащих машин и серый зимний простор, сдавленный высотными домами.

Он знал, что дела его плохи, но не думал, что до такой степени... Всё прояснилось однажды утром, когда при очередном обходе врач, не смотря ему в глаза, предложил перейти в двухместную палату, смущаясь и неумело мотивируя свое предложение свободным местом и его прежним желанием перебраться в одноместную палату. Он внутренне сжался от пронзившего животного страха. Ни для кого не было секретом, что две двухместные палаты в конце коридора у туалета

предназначались для безнадёжно больных, для умирающих. Их старались отделить от основной массы.

К больным, лежащим в этих палатах, относились по-особому – старались общаться как можно меньше, словно боялись заразиться их горем, их невезением. Обычно туда попадали совсем уж древние старики и циррозники – лимонно-желтые, отёкшие, с беременными обвислыми животами.

Переждав волну накатившего страха, взвился, заявив, что его устраивает эта палата, переходить никуда не хочет, а если он своим состоянием мешает другим больным – то давайте их спросим. Лежащие на соседних койках, отводя глаза, зашумели, мол, не мешает. Врач пожал плечами и перешел к другому больному.

После обхода заставил себя встать и дойти до лестницы, сидел на корточках, привалившись спиной к стене, курил, пытаясь осознать происходящие, и вдруг отчетливо понял, что оказался один – между ним и остальными выросла незримая стена, прозрачный занавес. Нет, вроде как всё осталось по-прежнему, он разговаривает, общается, передвигается в пространстве, но при этом он один, обёрнут собственным и всеобщим отчуждением, он сам по себе – оказался не внутри жизненного процесса, а где-то на окраине, почти снаружи.

Постепенно успокоился, активно уговаривая себя: «Вот вам! Идите на хрен! Всё будет хорошо. Выкручусь, чего только со мной не бывало – и тонул, и лавиной заваливало, и в

тайге голодал – выжил же! Вот и сейчас всё будет хорошо. Надо только собраться, не раскисать, напрячься...»

Жене решил о разговоре с врачом не говорить, не к чему это – кроме нервов и бестолковой суеты толка не будет. На самом деле, он смирился с тем, что остался совсем один; теперь каждый сам за себя – он и остальные.

Два дня его не трогали. Больничная жизнь текла своим чередом, замешанная на тоске, боли и надежде, а потом пришла медсестра и попросила зайти в кабинет заведующей отделением. И снова накатило страх, уже не такой резкий, животный, а тягучий, липкий, безысходный.

Заведующую побаивались, была она женщиной жесткой, резкой – это не лечащий врач, перечить ей было сложно. Да и сил перечить у него уже не было. Затравленно выслушал объяснение, что его переводят в другую палату не из-за того, что у него такое катастрофически плохое состояние, а из лечебных соображений, ему там будет лучше: там специальная медсестра, которая следит за больными. Да, состояние его тяжелое, но это ни в коей мере не говорит о том, что оно безнадежно, и не надо здесь произносить глупых фраз о палате для умирающих. «Сейчас подойдет медсестра и поможет Вам перенести вещи».

И он сдался, отстранился от происходящего, устало наблюдая со стороны за развитием событий, в которых сам принимал участие.

Новая палата не вызвала отторжения. Палата как палата,

маленькая, узкая, две широкие специальные кровати, голые стены покрыты светло-коричневой краской, окно без занавески смотрит в серое зимнее небо, спёртый, застоявшийся запах нечистого тела, лекарств и болезни.

Пришла нянечка и со звоном бухнула на пол под кровать облезлую «утку».

Сосед – изможденный, не встающий старик, бессмысленно глядящий в потолок, иногда начинал бормотать что-то неразборчивое, с огромным трудом садился на кровати, худые желтые ноги свешивались вниз – не понимал, что с ним и где находится. Посидев несколько минут, заваливался на кровать набок. Когда он в первый раз увидел эту тягостную и упорную попытку встать, то не выдержал и пошел к сестре предупредить, чтобы хоть что-то сделать, но та лишь отмахнулась, объяснив, что у старика «гон», мол, выпить он хочет, не обращай внимания, сейчас опять ляжет и, если не сложно, укрой его одеялом.

Ежедневно, в обед, к соседу приходила жена – маленькая, сторбленная старушка, живая, суетная, ругалась на молчаливо лежащее перед ней тело, пыталась кормить с ложечки, убиралась. Во время её приходов он старался уходить из палаты, сидел в коридоре, смотрел в окно на улицу. Присутствие старика даже помогало. Ему начинало казаться, что всё не так и страшно – он может сам ходить, отвечать за свои действия, вот-вот, еще немного, и всё изменится к лучшему.

И наступило великое спокойствие. Если раньше в боль-

шой шестиместной палате он волей-неволей отвлекался на мелкие незначительные события, происходящие рядом, – разговоры, вопросы, кто-то пошел к раковине, кого-то вызвали к врачу, – то теперь он был предоставлен самому себе. Даже на уколы ходить было не надо – сестра сама приходила в палату. Он замкнулся не только в себе, но и в четырех стенах этой маленькой комнаты. Лежал, думал, вспоминал. Если бы не изнуряющая слабость, разлитая по всему телу от кончиков пальцев до постоянно гудящей головы, он бы мог считать себя здоровым – никаких болей не было, дышать было, правда, немного тяжело, а в остальном – тьфу-тьфу-тьфу!

В этой палате он пролежал больше месяца. Состояние не выправлялось. Монотонность проживаемых дней слилась воедино, образовав бесконечную череду ярких образов, проплывающих перед закрытыми глазами, разбавленную редкими возвращениями в серую и муторную действительность.

Он превратился в клубок воспоминаний. И ещё копался в себе, пытаясь понять, как жил, зачем и что же он собой представляет, дожив до сорока восьми лет. Время было... Времени – хоть отбавляй.

С детством всё ясно. Детство счастливое и лучезарное. Мама, отец, деды, друзья – со всеми ему было хорошо, все его любили. Легко, бездумно весело проживал детские и юношеские годы, получая ни с чем не сравнимое удовольствие от событий, спонтанно возникавших время от времени. Всё, что происходило с ним лет до двадцати, не считая

смерти дедов, носило позитивную, добрую окраску. Может, именно от этого у него и сложился такой подход к жизни?

Пожалуй, он никогда не относился к жизни серьёзно, не ставил перед собой глобальной цели, никогда не хотел, что называется, состояться. Не волновали карьера или деньги в чистом виде, как цель, как смысл...

Долгими часами лежал, пытаюсь понять, на чём же все-таки был основан его образ жизни, что для него было главным?

Из благополучного детства, от сотен прочитанных книг, пришла неосознанная тяга к приключениям, а приключениями он называл всё то, что задевало душу и трогало воображение, вызывая фейерверк чувств от пронзительного страха до светлой радости. Он считал, что чем больше будет жизненных встрясок, тем сама жизнь будет насыщенной и интересней – монотонное, распланированное существование не для него. Наверное, где-то так... Это, пожалуй, ближе всего к истине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.